

Арсением Сухановым в 1655 г.,¹² но все же остается фактом, что уже в конце XIV в. митрополит Киприан имел в Москве собственноручный список этого сборника. Напомним, что перевод творений Ареопита с греческого на славянский язык был сделан в 1371 г. иеромонахом Исаией,¹³ бывшим игуменом Русского монастыря на Афоне, и отдельные русские монахи могли ознакомиться с этим переводом на Афоне и даже привезти в Москву рукопись этой новинки, впоследствии пропавшую (например, в пожаре 1382 г.). Следовательно, современник кончины Дмитрия Донского мог свободно цитировать Ареопита.

Уже А. А. Шахматов и С. К. Шамбинаго указывали на то, что автор «Слова о житии» был современником кончины Дмитрия Донского; они приводили его слова: «Но токмо слышах мног народ глаголющ: о горе нам, братье, князь княземь успе». Очевидно, автор присутствовал при погребении великого князя.¹⁴

К этому наблюдению можно прибавить еще ряд доводов. Автор пишет: «И аз убо худородный на похваление предоброго господина ми (вариант ни) словес изнести восхотех». Назвать умершего «предобрый господин» мог только современник, считавший его своим господином.

Очень точные даты кончины и погребения: «месяца мая в 19, на память свягата мученика Патрекея, на 5-й недели по Велице дне, в среду долога вечера в 2 час нощи» и «месяца мая в 20, на память мученика Фалалея» (без указания года) — могли быть записаны только современником, в том же году, а не пятьдесят лет спустя.

Заметим еще, что житие Дмитрия Донского не встречается ни в каких сборниках житий или иных статей, так как это не житие святого. Оно сохранилось только как летописная статья 1389 г. в следующих летописях: Новгородской IV, Софийской I, Воскресенской, Никоновской, Львовской и затем в «Степенной книге». Можно полагать, что оно и было задумано как летописная статья, как подробное описание кончины великого князя и как похвала ему. Так, в Ипатьевской летописи мы находим подробное описание болезни, смерти и заслуг вольнского великого князя Владимира Васильевича (под 1288 г.), соединенное с похвалой ему, во многом заимствованной из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Это повествование и похвала занимают девять страниц Ипатьевской летописи, и за ними следует продолжение: «Князь же Мстислав не притяже на погребенье тела брата своего Володимера, но приеха после с бояры своими ... и плака ся над гробом его плачем великим зело, аки по отце своем по короле (Даниле); и утоливше ся от плача, и нача розсылати засаду по городам». Далее следуют события 1289 г. Видно, что вся повесть о кончине и похвала Владимиру была написана наспех, как летописная статья, в ближайшие дни (или месяцы) после события. Можно полагать, что и «Слово о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича» было задумано как летописная статья и что то «преподобие», по

М., № 93, XV в.» [А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. (Речь, читанная на годичном акте Археологического института 8 мая 1894). СПб., 1894, стр. 21].

¹² С. А. Белокуров. Арсений Суханов. — ЧОИДР, 1891, № 1—2, стр. 407.

¹³ Серб Исаия, высокообразованный писатель и политик, был назначен в 1348 г. игуменом Русского монастыря на Афоне, затем стал просто старцем и жил в 1363 и 1366 гг. опять в том же монастыре (В. А. Мошин. Житие старца Исая, игумена Русского монастыря на Афоне. — Сборник Русского археологического общества в Югославии, т. III. Белград, 1940, стр. 125—167).

¹⁴ А. А. Шахматов. Отчет о 12-м присуждении премий митрополита Макария в 1907 году, стр. 119; С. К. Шамбинаго. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 208.